

Александр Юшкин

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сказки Мишоги

Сборник из цикла: "Игры Мироздания"

Александр (Мишогу) Юшкин
**Сказки Мишоги. Сборник из
цикла «Игры Мироздания»**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Юшкин А. Н.

Сказки Мишоги. Сборник из цикла «Игры Мироздания» /
А. Н. Юшкин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-9618-9

Иногда возникает подозрение, что за нами кто-то наблюдает, играет нашими жизнями. Игры эти чаще всего очень жестоки, но иногда справедливы. В этом сборнике рассказов об этом сказано. Все рассказы о реальных людях и событиях, которые с ними происходили, как бы фантастично это ни выглядело. Рекомендуется тем, кто старается жить осознанно. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5320-9618-9

© Юшкин А. Н., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Сказка первая: «Гримаса Фортуны»	5
Сказка вторая: «Ромкина любовь»	7
Сказка третья: «Кошкин дом»	11
Сказка четвёртая: «Зачем?»	13
Сказка пятая: «Незнакомка»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сказка первая: «Гримаса Фортуны»

– Люди странные, – гибнут за металл. – Вероятно, удивлялся Фауст...

На севере Империи, победившего всё, что можно победить, пролетариата. На северном Урале, течёт река Косью. В верховьях вода в ней очень холодная и студёная, купаться в ней невозможно даже в самую сильную жару. Можно быстренько ополоснуться в заводях неглубоких. Места здесь безлюдные и загадочные. Бывает на охоте, – у тебя в руках ружьё, и ты полон решимости добывать зверя или птицу. Но из лесу кто-то смотрит на тебя, и ты вдруг понимаешь, что охотник уже не ты. И дух захватывает, как на качелях. Обычно мужики стараются быстро покинуть такие места, даже оглянуться боятся. Очень страшно и непонятно почему.

Но сейчас лето, удивительная для этих краёв, солнечная и жаркая погода. Ветерок отгоняет комаров и мошкару. Послеобеденная расслабуха. На берегу реки, искупавшись в мелкой заводи, лежат голые мужики, – примерно рота. Бригада заготовщиков сена, засланная из города. У каждого в изголовье, одежда, аккуратно сложенная лежит. Поверх одежды ножи лежат, в чехлах. Ножи самодельные, каждый делал под свою руку, в тайге без ножа верного никак.

Все они примерно одного возраста. Матёрые, и по повадкам видно – бывалые. Те, которые гладко выбриты – политические. Это они воевали, во время войны, против СССР. Из прибалтийских стран мужики, удивительно крупного телосложения, с белой кожей. Так же – «бандеровцы», с золотыми зубами, воевавшие за самостоятельность Украины. Крымские татары – смуглые, мускулистые. Несколько немцев – с наколками группы крови под мышкой.

Из этих, политических, каждый воевал за свою родину, желая ей лучшей доли, без коммунистов. Но, не получилось. И теперь их приравняли к бандитам. Без права выезда на родину, – пожизненно.

Также несколько бывших бойцов красной армии. Волею судеб, оказавшиеся здесь, некоторые со страшными шрамами на теле и лице. Вероятно, преступившие закон уже после войны, отсидевшие «срока», и осевшие в этих краях. Ещё были уголовники – их можно определить по блатным, непонятным наколкам. Говорят: «Паспорта у нас такие, в уголовном мире».

У каждого из людей, которые сейчас лежат на песочке, своя судьба и свой камень на душе, вернее не камень, а взведённая граната. По этой причине они общаются предельно корректно, без мата. О прошлом друг друга не вспоминают и не спрашивают, о будущем не загадывают, мало ли как повернётся фортуна. Живут днём сегодняшним. А чтоб легче жилось в такой атмосфере, мужики шутят, особенно это ловко получается у украинцев и у моториста Коли.

Лежит, значит, эта орава, на песке и настроение у них прекрасное. На берегу работает Коля, – грузит в лодку части механической косилки, чтобы перевезти на другой берег реки. Коля единственный, кто приехал на север сам – «деньжат» заработать. Он очень похож на цыгана, – длинные чёрные волосы, борода курчавая, весельчак и быстрый на слово. Делать нечего и мужики смотрят за телодвижениями моториста. Некоторые подшучивают, как-бы соревнуясь в остроумии.

– Как-то он ходит, – подозреваю у него геморрой.

– Да ты что? Видишь, как он ловко грузит!

– Люди добрые, ратуйте, человек с геморроем тяжести носит, – убьётся на работе!

И дают шуточные советы, чтоб уберечь пошатнувшееся здоровье. Коля отбивается шутками и чувствует себя как бы артистом. По этой причине движения получаются неловкими и вычурными. Наконец-то всё погружено, привязано. Отбившись от последней шутки, он завёл мотор и поплыл на другой берег, всё время, чувствуя, что на него смотрят и оценивают все его движения, не со злобы, а от нечего делать.

Не доплывая до берега метров восемь, он заглушил мотор, развернул лодку так, что она мягко коснулась берега всей кормой и остановилась. Бросив якорь, он оглянулся, оценила ли публика его ловкость. Публика – наблюдала. Не торопясь, разгружал лодку. Жарко, да и торопиться некуда. Когда окончил выгрузку, он поднял якорь, и с разбегу прыгнул в лодку. Лодка, под силой его прыжка должна была отчалить от берега, но она оставалась на месте. На том берегу засмеялись, он не столько слышал, сколько почувствовал это. С досадой взял багор и оттолкнулся от берега, багор соскользнул с камня, и Николай чуть не свалился за борт. Публика ржала, не смеялась, а именно ржала, даже, сдержанные немцы.

Коля, прежде чем опять оттолкнуться от берега, поискал глазами злополучный камень. Чтoб два раза не смешить публику – это будет перебор. Камень лежал под водой, возле самого берега и на нём виднелась странная светлая полоса от багра. Выйдя аккуратно с лодки на берег, Коля хотел поднять камень, но тот был удивительно тяжёлым. Выбросив его на берег, остриём ножа процарапал глубокую царапину, и процарапанное место заблестело ярко-жёлтым цветом. Всё тело вздрогнуло и в груди сильно стукнуло сердце. Золото. И сразу почувствовал на себе заинтересованно – пристальные, взгляды публики.

Публики, которая, в прошлом, много раз смотрела на мир через прицел карабина или автомата. И не просто смотрела – стреляла в людей, убивала. Стараясь убить, разными способами, как можно больше «врагов». Много человеческого «мяса» произвела эта публика.

Взяв самородок, хотел бросить в лодку, но передумал – можно днище проломить. Осторожно положил на дно лодки. Оттолкнулся от берега и пошёл на вёслах. Как-то странно тихо было вокруг, или ему казалось. Было чувство, как будто его разглядывают через увеличительное стекло, или оптический прицел, каждый жест и всё что он делает. Выплыв на середину реки, он, осторожно, и как-то обречённо, перевалил самородок через борт накренившейся лодки, и тот почти беззвучно, провалился на дно реки. Завёл мотор и поплыл к берегу. Лихо пришвартовался. Публика молча, наблюдала за его телодвижениями. Искупался и с облегчением, молча, растянулся на горячем песке.

Публика озадаченно молчала. Прошло несколько минут, и кто-то из рядом лежащих «прибалтов», спросил: *«Коля, а что, на том берегу, ты положил в лодку, а потом утопил в реке? Что это было, что?»*.

Коля помолчал немного и, чувствуя нетерпение публики, сказал: *«Это был самородок золота, килограмм восемь, или десять, и я его утопил»*. Народ озадаченно молчал, но молчал как-то нехорошо, и на берегу стало прохладно, или это кровь в жилах застыла. Тот же «прибалт», произнёс каким-то изменившимся, жёстким голосом: *«Ты правильно сделал, Коля»*. Тот, махнул рукой, как-бы отгоняя наваждение. Прошло ещё несколько минут абсолютно мёртвой тишины.

– А знаешь, почему ты правильно сделал?

И не дожидаясь ответа, медленно произнёс: *«Я бы тебя убил, – Коля»*. В воздухе повисла, ватная тишина, как после взрыва гранаты. Тихо, глухо, и в ушах звенит.

– Не переживай Коля, – продолжил эстонец, – я тоже не дожился-бы до завтрашнего дня.

Помолчал и обречённо произнёс: *«Многие из нас не дожили-бы до завтрашнего дня»*.

Было тихо, нехорошо, и в душе неуютно. Все молчали, тоже как-то нехорошо. Долго молчали.

Потом пришёл бригадир и позвал на работу. Мужики, молча стали одеваться. Пристёгивая ножи на ремнях, – старались не смотреть друг на друга. И с облегчением пошли на работу.

*****От автора: *«Прочитав эту «сказку», не торопитесь читать следующую «сказку». Постарайтесь осознать ситуацию, в которой оказался Коля, – мой отец»*.

Сказка вторая: «Ромкина любовь»

*– Невыдуманная история, а хотелось бы, чтоб выдуманная ...
Карма – действия человека определяющие его судьбу ...*

Рома был третьим сыном. Старший брат попал в «тюрьму», на огромный срок. Средний брат в Афганистан. Вернулся израненный, – телесно и психически. Родители Романа сильно переживали – за младшенького. Но обошлось. Романа призвали в войска ПВО. Охранять небо над страной.

Вернулся из армии. Устроился в шахту – на проходку. Работает. Добавочно окончил курсы и стал «комбайнёром». Проходческий комбайн, это «железный подземный крокодил», больше пятидесяти тонн, который прогрызает тоннели в угольной шахте. Угольный пласт, по которому ползал Ромкин комбайн, находился на глубине больше четырёхсот метров. Забой считался особо опасным, и тяжёлым – по горно-геологическим условиям труда. А это значит, что деньги за эту работу, платят немалые.

Роман любил одеваться во всё «фирменное», и с удовольствием тратил деньги на очень дорогие покупки. Которые большая редкость, здесь, на севере. Иной раз забежит ко мне домой. Пьём чай или чуть-чуть вина, и он хвастается, своими покупками вернее он не хвастается, а хочет, чтоб я тоже порадовался вместе с ним. Ну и естественно, «обмыл» с ним красивые вещи. Я конечно «со-радуюсь» вместе с ним. Иногда подшучиваю – мол, шмотки «фигня». Он не чувствуя подвоха доказывает, что тряпка на нём это не тряпка, а вещь «забугорной» работы и показывает доказательства, аж вспотеет. Я конечно делаю круглые глаза, и удивляюсь его познаниям в тряпочном деле. А в основном видимся редко. На шахте, бывает, встретимся:

– Ну, как дела?

– Нормально, – и похвастается новым приобретением.

Как-то месяца два не видел его. Мужики сказали, что «на – юга» в отпуск уехал. «Шмоток навезёт, – предугадывал, – вот потеха будет, когда буду, с ослиным упрямством доказывать, что ему «впарили» дорогую ветошь».

Перед спуском в шахту, сидим с мужиками, курим. Появился Рома. Поздоровались, – на нём новая кожаная куртка. Разговариваем, что да как, где был, как отдохнул. Он, я вижу, ждёт, чтоб я восхитился его новой курткой. Виду не подаю. Поговорили, и он пошёл дальше. А я ему в след: «Куртка – хреновая». Он приостановился, но выдержал подлый удар, – ушёл, ничего не сказав.

После смены, скинув спецовку и оставшись в одних трусах, сидим, курим, грязные, чумазые.

Появляется Рома и накидывается: «А у тебя трусы хреновые». И пошёл мыться в душ, смешной, всю смену копил злость на меня. Помывшись и надев чистые одежды, стоим, ждём автобуса, который развезёт нас по домам. Подошёл Рома. Вид у него радостный. Отвёл меня в сторону и рассказал, что у него девчонка появилась. По-настоящему. И у них любовь. Скоро свадьба. Аж светится от счастья. Я не стал острить по этому поводу, он итак не в себе от счастья.

И пошла у Романа семейная жизнь. В гости не заходит, видимся на работе. Ему от шахты квартиру дали. Потому что, – работает хорошо, не пьёт, семья. Теперь при встречах он рассказывает «про мебель», – какую купил и за какие деньги. Совета спрашивал, как ему обустроить кухню: «Чтоб моей жене удобно было». Видно по нему, что ему нравится произносить: «Моей жене». Мужик – летает от счастья. Предлагаю помощь, – отказывается. Ему эти хлопоты только в радость.

Знакомый проходчик, глядя на Романа, сказал: «Я тоже таким был, «обломался», сейчас моя бывшая на юге живёт, с другим «хахалем». Им моих, шахтёрских, алиментов на всю семью

хватает». Я промолчал. Такое часто бывает. Приедет женщина с «юга», и закадрит шахтёра. Забеременеет, – подаёт в суд на алименты. Отсудив – уезжает обратно. Беда просто. И выхода никакого. Новую семью завести уже страшно вато.

Время идёт и в положенный срок у него появилась дочка. А он как раз хлопоты с обустройством семейного гнезда закончил. И теперь при встречах он про «дочурку» только и разговаривал.

Время идёт, идёт время. За суетою будней и бытовых дел мы не замечаем, как идёт время, а оно идёт, неслышно и невидимо подталкивая нас неведомо куда. Только по деткам хорошо видно, как наше время перетекает в них.

Вот у Ромы дочка стала ходить, говорить первые слова. Рома, каждый день рискующий жизнью, каждую минуту, свободную от работы, проводит с семьёй. Работа-дом, работа-дом. И он рад, очень рад. Рассказывает при встречах, как он гуляет с ней, какие умные фразы она произносит.

Потом пришло время в садик водить. Рома старается, водит. Ходит на «утренники». Конечно, и про жену не забывает. Шубы покупает, меха. Захотела на фитнес ходить, пожалуйста, он позанимается с дочкой один.

Время идёт, идёт время. Дочке скоро в школу. Рома «прошустрил», и они переехали в большую квартиру. Я при встрече зову в гости, с друзьями посидеть, в «картишки» перекинуться, детство вспомнить. А он смотрит, и не понимает, как так, у него ремонт, жена и дочка, а тут водку пить зовут.

Как-то под вечер, звонок в дверь. Открываю, стоит Роман. Заходит в квартиру. Вроде как раненый. Видно, что ему очень больно двигаться. Ссутулился весь и лицо бледное.

– Может в шахте в переделку попал? – мелькнула у меня мысль.

– Водки?

Молча, качает головой, – не надо. Я поставил чайник, – ему нравится, как я завариваю чай.

– Случилось что?

Молчит и видно что-то в себе держит, не может выговорить словами. Всё-таки налил ему стопку, он выпил. И он как будто в бреду стал выдавливать из себя слова. «От меня» – он помолчал. Вздохнул и выдал из себя: «От меня жена ушла, – и, как последний камень с души, добавил. – Дочку увела». Я ещё ему налил, себе тоже. Молчим, курим. Водка немного расслабила его, и он продолжил: «На развод подала, с разделом имущества, и на алименты тоже подала. И ушла – к какому-то».

Я молчу, собираюсь с мыслями. Надо успокоить мужика, слова подбираю. Тут, на Севере, в такой ситуации, одно неправильное слово, и можно на нож попасть или стулом по голове получить. Молчим, каждый о своём. Я начал блять: «Так бывает, мужики уходят от семьи и женщины, бывает, выгоняют мужиков». Но Рома не унимается: «Как же так – вот есть любовь, и вдруг её нет?».

– И как мне жить? Ведь у меня-то есть любовь.

Странно слышать такие нежные слова от «здоровенного» мужика.

– Давай, пожрём, чего ни будь – предложил я.

– Давай – как-то обречённо, он произнёс.

Поели, ещё выпили. Чтоб разрядить обстановку, я поинтересовался: «Как дела в забое?».

– Порода крепкая пошла, взрывать приходится.

Вот тут уж я завибрировал. Бывали, случаи, когда мужик обвязывался взрывчаткой. Обнимал свою, непутёвую женщину, и подрывался вместе с ней, а если с ней не получалось, сам подрывался. Потом во всём дворе, в пятиэтажках, стёкла вставляли.

Рома понял мой испуг и сказал: «Не надо корчиться мне, а тебе не надо дрожать, – такой навоз стране не нужен». В шахте мало матерятся, в основном присказками обходятся и обыг-

рывают их на разные вариации. Полностью это звучит примерно так: «Жучка села гадить. Ах, как она корчиться, дрожит». Применяется это выражение по разному поводу. Часто в экстремальных ситуациях, с разными интонациями, иногда патетическими, злобными, чаще сердобольными, короче – по обстоятельствам и с чувством». И если Рома попытался пошутить, значит слегка, у него на душе, «полегчало». Потом он ушёл, ведь завтра на работу.

И понеслась жизнь Ромкина по ухабам с горочки. И побежало его времечко, скачками толкая Рому перед собой.

На суде он узнал про себя много нового. Оказывается, – он бабник и пьяница. Жену бил, дочке тоже доставалось. И его жене приходилось работать на двух работах, чтоб хоть как-то обустроить квартиру мебелью. Обычный набор претензий женщин к бывшим мужьям.

Рома даже в страшном кошмаре не мог представить, что *это* будут предьявлять ему. Самый близкий на свете человек – такое говорил о нём. Но держался достойно. И конечно, судья – женщина, верила хорошо одетой, несчастной, забитой жертве бытового насилия. А Рома и не пытался защищаться, он думал, что жена стала жертвой наговора или порчи посланной неизвестной соперницей. И при разделе имущества – не мелочился.

В результате этой, «тягомотины», Ромка стал жить в маленькой, зашарпанной каморке. Раньше это было жильё её нового мужика. Из мебели – один старый, но работающий холодильник. Стал жить в этой каморке. Удивительно, но в запой не ушёл. Ремонт сделал «холостяцкий», чтоб чисто и аккуратно было.

К нему забегали, по очереди, подружки жены. Пытались согреть душевным теплом и горячим телом, но терпели неудачу, тоже по очереди. Я заходил как-то в гости, сгущёнки принёс, сметаны, «оладушек» напёк. Посидели, чайку, с «оладушками» попили. Какой-то он стал замороженный или умерло у него что-то внутри.

Глядя на него, поневоле задумаешься о «запасном аэродроме», мало ли что. Придёшь домой с работы, а в прихожей чемодан стоит, спросишь: «Дорогая, кто – то приехал?». А в ответ: «Это вы съезжаете».

– И чё, что делать, куда податься проходчику с чемоданом?

Ромкино время как бы остановилось в раздумье. Работа, одиночество, работа и опять одиночество.

С дочкой повидаться не дают. «Посажу»: говорит жена. Слово «бывшая» он не мог выговорить. И он решил уехать. Попрощавшись с друзьями, продав каморку, – уехал.

– Может быть, отогреется под южным солнышком, и опять пойдут его часики весело и звонко.

**** Прошло года два. Звонок в дверь. Открываю. Рома в тёмно-зелёном фирменном костюме. Оказывается, – он вернулся «насовсем». На работу устроился, в туже бригаду. Жильё снимает, на первое время.

Во время небольшого застолья, по этому поводу. Я разворачиваю карту страны:

– Мудак, ты мог бы поехать в любую точку на этой карте, но только не сюда.

– Какого хрена ты здесь оказался – Рома? – психую я.

А он молчит и смотрит на меня удивлённо, как будто я «мудак» и чего-то не понимаю. Моя супруга накинулась на меня, защищая Рому. Оказывается, я бессердечный чурбан и нет во мне чувства сострадания к попавшему в беду товарищу.

И пошло время у Романа немного веселее. Заходит частенько, – «харчей» домашних покушать. Супруга моя, учит танцевать его. В надежде, что Роману, так легче будет, познаться с какой ни будь женщиной. «Как будто ему одному плохо, хочешь на рыбалку или на охоту поехал, и никто не держит. А женщина сама найдётся» – это я, опрометчиво, попытался высказать своё мнение, в присутствии жены. После ухода Романа, жена ругает меня за эти слова. Я объясняю ей: «Мужики нельзя заикливаться на женитьбе. Всеми своё время,

вероятно. У мужиков не так как у женщин. Ведь я сам не ожидал что женюсь, пока тебя не встретил».

А время тикает неслышно и подталкивает нас туда неведомо куда. Иногда в такие передраги подтолкнёт, что удивляешься происходящему с собой и хочется проснуться.

В один из вечеров звонит Татьяна, святая душа, жена товарища. Волнуется и спрашивает о Романе, давно ли видели его. «Примерно месяц как не видел, – отвечаю, – ты не переживай, «жрать» захочет, появиться, а может у женщины какой, “в гостях прописался”». Опять звонок, опять Татьяна: «Всё, что можно обзвонила, и никто ничего не знает, только в реанимации сказали, что у них мужчина лежит без сознания, неопознанный, месяц как лежит. Ни родственников у него, никого». И добавила: «Пойду сейчас в больницу». И пошла, несмотря на поздний вечер. Я ж говорю – святая.

Когда она пришла в больницу, ей рассказали, что по фамилии, этого пациента, определить не смогли. «У пациента травма головы, и как положено в таких случаях, приходил следователь. Искал, и тоже безрезультатно, нет в городе человека с такой фамилией» – говорили доктора. «С такой травмой так долго не живут, только за счёт сердца мощного, шахтёрского, тянет. Вероятно ждёт, – чтоб его нашли» – говорили нянечки.

Провели в палату. Она смотрит, – лежит наш Рома и часто дышит. Попыталась поговорить с ним. Он, как-бы прислушался, даже дыхание замерло. Потом вздохнул глубоко и выдохнул, как будто дождался, что его нашли и умер. Нет больше нашего Ромы, – нет. Перестали тикать его часики.

Потом следователь дознался, и рассказал, как было дело:

– Рома в «подпитии» пришёл, к бывшей своей жене домой, что-то говорил о любви, доказывал, что она есть. Разговор был на лестничной клетке. Она, или её мужик, якобы оттолкнула его, и он упал навзничь. Упал неудачно, – ударился головой о ступеньку. Вызвали скорую помощь. Назвали доктору вымышленную фамилию, якобы случайно.

И всё. Всё просто и понятно. От этого как-то нехорошо на душе и как-то пусто, только где-то глубоко в душе – слёзы капаят. Как часики – тик-так, тик-так, тик-так.

У неё тоже есть свои часики. За нечаянное убийство, ей дали небольшой условный срок. И её часики стали отмерять время до окончания наказания, – им всё равно, что отмерять и куда подталкивать.

Прошло ровно сорок недель как Ромы не стало. Именно в этот срок её часики остановились, и она умерла. Неожиданно и сразу. Тик и всё, и она там, где Рома.

Люди разные догадки строят по этому случаю.

– **Но, – я точно знаю.** Рома во сне, ко мне, приходил.

– **Он на страшном суде, стоя на коленях, просил не за себя, а о прощении грехов своей любимой. И все сорок недель ждал, у ворот рая, свою неразделённую ЛЮБОВЬ.**

*****От автора: «Любовь, с этим чувством надо, – поосторожнее. Особенно если это касается не Вас. Советами от неё не вылечить».

Сказка третья: «Кошкин дом»

– Улетая, они оставили кошек, – наблюдать за людьми...

Во вселенной, вокруг звезды под названием Солнце, вращаются планеты. Одна из планет под именем Земля, населена разумными существами. Называются эти существа «человек» или по-простому «люди». Большая часть людей прилагает большие усилия, чтоб выглядеть, как можно, более искусственно, их называют – «женщинами».

Планета, людьми поделена, на государства. А так как планета вращается вокруг солнца, погода меняется, и существуют времена года.

В сказочной стране под названием Россия, сейчас зима. Стоят рождественские морозы. Светит солнце, небо голубое и снег белый-белый, громко хрустит под ногами. Всякий, в России, знает, что дрова лучше всего колоть в морозы.

Вот и Мишогу (странное имя), в это время колот дрова. В солнечную, морозную погоду он с радостью занимался мужским делом. Мимо идут мужики, с похмелья, остановились, смотрят. Мишогу при виде зрителей, специально, стал неловко раскалывать мороженые чурки. Мужики смотрели, смотрели, наконец, один не выдержал: «Дай покажу как надо». Потом другой подключился, учит, объясняет и самое главное – колет дровишки. Выпьют по рюмочке, закусят огурчиком солёным, Мишоге нальют, он пригубит – из вежливости. И опять колоть дрова, по очереди. Один колет, а другие вроде как равнодушные зрители, подначивают или радуются удачному удару колуном.

Стало смеркаться, и бабы разогнали мужиков по домам.

Мишогу тоже хотел уйти. Но пошёл снег, и он решил убрать дрова. За ночь может так завалить, лопатой придётся откапывать. Растопил баню, носит и складывает поленницу. Оказалось, дров в азарте накололи много. Уже поздний вечер, а он всё носит и складывает, складывает и опять носит. В баню забежит, дровишек подкинет в печку, и опять носит и складывает. С досадой понимая, что попал на обратную сторону «халявы». Руки, поясница болят от усталости. А чтобы собрать дрова, на земле лежащие вперемежку со снегом, приходилось вставать на колени. Штаны промокли, колени стали замерзать и не гнуться. Ну вот, и конец мучениям, дрова убраны. Он ещё нашёл в себе силы и упрямства убрать колоду, колун, подмёл щепки.

Пошёл париться, радуясь, что догадался протопить баню. При входе в баню, несмотря на усталость, остановился, смотрит. Передним нереально яркая луна, звёзды, и как бы от звёзд падают крупные снежинки.

Идиллическую картину нарушает дощатый туалет, сляпанный на быструю руку. По назначению он не понадобился и применялся для хранения садово-огородного инвентаря. И вот этот сарай нарушал поэтическую картину.

– Весной уберу, – почему-то вслух сказал Мишогу.

Пейзаж действительно был загадочно прекрасен. Луна причудливым образом освещала только часть поля, баню и сарай. Ощущение было, что он на самом краю галактики. Вот только сарай нарушал идиллию.

– Весной сломаю эту, срамоту, – в очередной раз сказал Мишогу.

Он увидел кошку, которая сидела у его ног и смотрела на него. «Озябла, наверное», – подумал он. Открыл дверь, и она прошла в баню, запрыгнула на лавку и сидит. Раздеваясь, он разглядывал кошку. Она была трёхцветная, даже глаза у неё были разного цвета, таких кошек в народе зовут – золотуха.

Раздевшись, пошёл париться, кошка за ним, легла под лавочку, вытянулась и греется. Мишогу долго парился, стараясь выгнать боль из спины, руки, ноги отошли, а вот спина не поддается. Кошка наблюдала за ним, иногда перекатываясь на спине, – такая потешная. Ему

«дурновато» стало, вероятно перепарился, и он вышел в предбанник. Кошка за ним, запрыгнула на лавочку, растянулась, мурлычет от удовольствия. Он приоткрыл дверь на улицу, впустить воздуху свежего. Присел на лавочку спиной к кошке, сидит, дышит, немного откинувшись спиной о стену.

Глаза прикрыл, и вдруг чувствует, кошка лапой упёрлась ему в поясницу, уверено и твёрдо. И боль стала покидать сразу всё натруженное тело, она как бы утекала в кошачью лапу. Мишогу сидел, очень «удивлённый». Она убрала лапу и тут же приложила другую, но уже кошачьи мягко и стала тихонечко мурлыкать, вероятно, успокаивая Мишогу. Его тело стало как бы «озаряться» изнутри, наполняясь какой-то живительной энергией, ему показалось, что он даже лучше слышать стал. Потом кошка спрыгнула на пол и молча, ушла в открытую дверь. И ничего не сказала. Если бы сказала, он не удивился бы.

Потом он мылся, с удовольствием натирая мочалкой, как бы новое чувствительное и управляемое тело. Когда оделся и вышел на мороз, остановился ещё раз посмотреть пейзаж, совершенно поэтический. Странно, но всплыли в голове стихи, которых не знал:

- **Падают от звёзд, и устилают землю,**
- **Иероглифы – снежинки.**
- **Какое длинное письмо.**

Но сарай всё портил. «А зачем весны ждать, – вдруг подумал он, – завтра и разберу».

И тут он обратил внимание, – из сарая шёл пар. Он протёр глаза. Да, из сарая идёт пар, как будто там сидит кто-то, – распаренный. И следов не видно, – вокруг сарая.

– Однако, – произнёс он, как бы о чём-то догадываясь.

– Ну и как, это я, – а?

– А, пусть стоит, весной покрашу, красиво будет, – опять сказал вслух, как-бы убеждая самого себя.

И с чувством правильно решённой загадки пошёл домой. Мелькнула мысль: «А у неё, у этой **как бы кошки**, блохи есть?». Вздохнул и вслух сказал: «Надо медовухи выпить».

– А чё, – правильное решение.

– И повод есть хороший.

– **Сарай не надо разбирать.**

*****От автора: «Вспоминая этот случай, я удивляюсь, – мне не было страшно».

– Странно, – как в сказке.

Сказка четвёртая: «Зачем?»

Где-то, когда-то, кто-то, – геройски погиб.

Прикрывая собою...

– Господи, – почему? «Нахрена», – всё это? И почему, это, – именно со мной? Зачем?

Эти вопросы, волновавшие философов на протяжении долгих столетий, – задавал Серёга. Лёжа на больничной койке. Полностью «забинтованный», и в гипсе.

Странное существо, – мужик. Пока не окажется в гипсе или бинтах, таких вопросов не задаёт. А когда рискует, по работе, или по какой другой причине, думает, что ему точно повезёт, или вообще не задумывается о травмах и инвалидности.

Пришёл Саня, обросший и не расчёсанный, своим видом пугавший женский персонал больницы. Стукнул ногой по кровати, – не сильно.

– Чё, жалеешь себя? Лежишь, весь такой святой, и думаешь, – почему это с тобой произошло, зачем?

Сергей, удивлённо и злобно, «зыркнул» на Саню.

Тот перехватил его взгляд, и обрадовался: «Думаешь! Жалеешь себя, несчастного. Слёзы проглатываешь. Я тоже так лежал и тоже так думал. Тебе ещё повезло, стоял бы поближе, всё, был бы инвалидом, а переломы срастутся и мясо зарастёт». Он сделал злобное лицо, и наклонился к Сергею: «А почему ты, не стоял поближе?». Сергей от злости прищурился. Ведь сказать, и сделать ничего не может, весь в бинтах и гипсе.

– Хочешь знать? Как один дед пояснил: «Мужская жизнь проходит под постоянным риском стать инвалидом. И тут уж мироздание решает, куда тебя сортировать и к чему готовить, и как разыграть твою карту».

– Кстати, я тут «мумиё» тебе притащил, чтоб кости лучше срастались и швы на шкуре крепче зарастали. Патологоанатом посоветовал. Можешь обижаться, можешь, нет, но мне кажется, он не хочет тебя потрошить. В кишках твоих рыться, мозг изучать.

Сделал задумчивое лицо.

– Странно, – чем ты хуже других? Или лучше, – ехидным голосом, и вслух, размышлял он.

У Серёги аж гипс раскалился от злости. Он не догадывался, что Саня делает ему «психическую инъекцию». Для поднятия сопротивляемости организма. Иногда шахтёры так делают.

– Давай лучше про деда этого расскажу.

Посмотрел на Сергея, который даже «мама» сказать не мог. И сказал, прокурорским, голосом: «Молчание знак согласия».

– Эй, ты хоть живой, а то я может быть, уже двадцать минут с трупом разговариваю.

И потыкал Сергея пальцем.

– БЫЫЫ, – донеслось из-под бинтов.

– Живой, – обрадовался Саня, – не труп.

И подмигнул медсестре, дежурившей у кровати.

– Так вот про деда.

– В шахте, – на Севере. Монтировали мы как-то привод конвейера, в проходческом забое. А короче и понятней, из железок тяжёлых собирали механизм. Из разных железок, весом от двухсот килограмм до пятисот. А у нас в наличии только ручные «тали», – лебёдка такая. Корячимся над этой работой втроём, звено проходчиков, надо поднять одну железку на метра полтора – два, пододвинуть ломом, и прикрутить болтами к другой железке. И так потихонечку собираем механизм. Вот одна из железок сорвалась, и по моему, умному, лицу ударила. Вскользь. Порвало только кожу, стоял бы ближе, из меня получился бы умный, но некрасивый

инвалид. А ещё ближе, на сантиметр, измазанный в шахтной грязи кровавый труп, – неумный. Потому что мозги валялись бы на почве.

– В больнице, доктор зашивал, а сестричка – ассистентка, почему-то нервничала и переживала, чтоб нос ровно получился. Ну, что из этой затеи получилось, ты видал у меня на лице. Надеюсь, и сейчас видишь, но молчишь.

– Это сейчас не очень страшно выгляжу, а первое время – жуть.

– Пока на «больничном» был, по травме, – отпуск подошёл. Собрался я на «юга» съездить, отдохнуть на солнышке. Но мужики не советовали с таким лицом ехать, – народ пугаться будет. Поэтому я в деревню решил ехать, поживу один – как монах. Билет купил плацкартный, «купе» не было, и поехал. Мечтая отдохнуть от суеты. Молочка, из-под коровы, попить. Рыбку на удочку половить, за временем не следить. Эх, да что там говорить, – мечта любого шахтёра, или поэта.

– Поезд «пассажирский», – возле каждого столба останавливается. Сижу, в окошко смотрю, – интересно. Всё время самолётом летал. А тут люди разные едут, – выходят, другие садятся. На остановках бабушки картошкой варёной торгуют, огурчики малосольные, грибочки маринованные. На других остановках, ягоды из лесу, грибы свежие, бывает, – рыбу вяленую торгуют. Иногда в лесу остановимся, постоим и дальше едем, зачем останавливались, кого ждали, – непонятно.

– Вот на одной из таких остановок сел в вагон дед, и расположился в моём купе.

– Сергей, – представился дед.

– Он был среднего роста, седой и волосатый, руки сильные и волосатые, даже из ушей густые, седые волосы растут. И двигается, будто перекачивается, как ртутный шарик. Глаза, на удивление, – синие. Лицо доброе, совсем как домовой, из народных сказок.

– Я чай заварил. К чаю изюм приготовил, шоколад самодельный, как положено, с тёртыми орехами. Пьём чай не торопясь. Глядим в окошко вагона, разговариваем. Пообвыкли немного. Он смотрит на меня: «И где тебя так?».

– Да, – в шахте.

И рассказал, что да как, про сантиметры, которых не хватило до инвалидности, или до смерти.

– Бог миловал, – говорю, – обошлось.

Сергей и говорит: «Да нет, не миловал. Видно мироздание, тебя, к чему-то другому готовит».

– Что-то неохота мне подвиги совершать, – шучу я.

– А к подвигам, заранее никто не готовится, само как то складывается, – ответил он.

И достал бутылку.

– Самогон будешь?

– Нет, в дороге не пью, – отвечаю.

– Дед пожал плечами, достал рюмку, налил, и сразу выпил, – закусывать не стал. Молчим, – смотрим в окно. Переезжаем речку, – коровы на водопой пришли. Поезд тащится медленно, – можно всё хорошо разглядеть. Переехав мост, остановились. Полустанок, какой-то, будка железнодорожника и всё. Будка красиво покрашена. Замысловатая ограда вокруг будки. Чуть поодаль, среди побеленных деревьев, стоит небольшой монумент, – «Памяти погибших воинов». Солдатам, освобождавшим эти места от фашистов.

– У нас в деревне, крест стоит, над братской могилой – «Памяти погибших инвалидов».

– Я молчу.

– Во время войны поставили, сразу после...

– Он посмотрел на меня, попросил чайку заварить – свежего. Заварил, сидим, ждём когда запарится. Дед задумался о чём-то. Я не тревожу. Разлил в чашки, пьём. Молчим. У мужиков бывает так, каждый о своём молчит. Дед не просто молчал, видно было, – вспоминает что-то.

– Это было в войну последнюю, – «Отечественную». Когда Гитлер объединил Европу, а до него Наполеон объединял и войной на нас шёл.

Я слушаю, не переспрашиваю.

– Вся Европа работала на него, вооружение и солдат поставляла, – на Гитлера.

– «Все побывали тут», – он кивнул за окно.

– Когда наши отступали, в начале войны. Мужики ушли с войсками, остальные в лес, – парни, деды. Скотину уводили в леса. Девушки лазарет в лесу соорудили. Получился маленький лесной колхоз.

– В деревне Бабы с детками малыми и инвалиды при них остались, хоть какая-то подмога от них будет. Мужикам немного обидно, и как-то не по себе, а что поделаешь, многие из них даже воды принести в ведре не могут, не то что – партизанить.

– Старшим над инвалидами был, – Рабина. Из донских казаков. Как в «гражданскую», порубали его шашками под рябинами. Выжил, и остался жить в деревне. Двигается тяжело и медленно, но горластого и отважного, казака в нём видно сразу.

– Другие, тоже немощные. Кто по глупости под косу попал, кто под брёвна. Одного медведь поломал. Да мало ли у мужика причин стать инвалидом. Тяжкая это доля. Вроде и здоровье есть, а работать не можешь. И чувствовать себя обузой.

– И каждый из них, наверняка, задавался вопросом: «Почему это с ним? За что? Зачем?».

– Так вероятно заведено, чтоб мужик ходил по краю пропасти. Кто-то проскакивает, а кому-то другая судьба.

– Пришли «немцы», свои порядки принесли, оброк установили.

– Деревня как бы дыхание остановила. Не хочется дышать одним воздухом с этими ... Время, тоже каким-то резиновым кажется. Каждая минута под бременем оккупантов долго, и изматывающе тянется. И очень хочется, избавиться от этих нелюдей, или хотя бы навредить им, каким-нибудь способом.

– Вот, в одно весеннее утро приехали каратели, или полицаи. Мстить за партизанские вредительства.

– Согнали всю деревню, абсолютно всю. Загнали в большой, дощатый сеновал. Последними зашли «немощные». После обыска деревни, открыли ворота и зачитали приказ, о расстреле нескольких жителей деревни. И сразу стали брать первых, кто попался, и получилось так, что забрали они инвалидов. Да, те и не таились.

– Поставили их перед сараем, и стали эти, каратели-полицаи, рядиться. Кто будет стрелять? И уложится ли он в один магазин, чтоб не перезаряжать оружие. То есть, – проявит немецкую аккуратность в этом, кровавом деле.

Дед Сергей попросил ещё чаю: «Что-то холодно во-внутри».

– Заварил. Пьём чай молча. Северная привычка, стараться не задавать лишних вопросов.

– Представляешь. Весна, солнышко греет, мёдом воздух пахнет, поодаль рябина цветёт, должно быть радостно на душе. Но тут полицаи, рядятся, кто да как будет убивать. Мужики стоят, как кегли.

– Это в кино всё быстро. А в реальности, эти садисты, тянут время. Наслаждаясь своей миссией. Вот, наконец, вызвался, один гад в очках, с пулемётом. Это посерьёзнее, чем автомат, – пуль больше, и крупнее. Рабина, увидав пулемёт, посмотрел на сарай, позади них, и как бы о чём-то догадался. Он приказал мужикам стать плотнее, и прижаться друг к другу. Обернулся назад и крикнул: «Бабоньки, родненькие, лягайте на землю, пули могут проскочить, детишек берегите». Бабоньки стали ложиться на землю, но быстро не получалось. Крики, слёзы, дети плачут.

– Палач, деловито, перезарядил пулемёт, поставил по шире ноги и начал стрелять. Не торопился, – стрелял до тех пор, пока мужик не упадёт, потом переходил к следующему.

– Мужики стояли, прижавшись, друг к другу. Каждый, из них, спокойно ждал – «своей очереди». Вероятно, они вдруг поняли, к чему их готовило мироздание все эти годы, и зачем.

– Одни падали назад, но не сразу, а как бы отступая от натиска пуль. Другие падали вперёд, как бы накрывая собой смерть. Некоторые, от сильного удара пули падали сразу, но потом всё равно пытались встать, и палачу приходилось возвращаться, растрачивая на них патроны. Последним был Рабина, он больше всех вобрал в себя пуль. На нём патроны и кончились. Он постоял, и упал всё-таки вперёд, с вытянутой рукой и сжатым кулаком – как будто шашку держал.

– Вот игодились инвалиды. Всё сразу стало просто и понятно. И пусто, где-то в груди, и мироздании. Как будто природа, лишилась какого-то оттенка цвета, и мир стал блеклым. Похоронили их всех, вместе. Под рябинами. Землю, на которой они лежали, бабы сняли лопатами и положили им на могилу. По этой земле, ногами ходить нельзя.

– Дед налил самогона, выпил. И мы долго молчали. Словами, иногда, нет возможности выразить, то, что ты чувствуешь. Вероятно от этого, в уме родились стихи:

*Где-то, когда-то, кто-то, – геройски погиб,
Прикрывая собою, – кого то.
Души, – кому-то, – героев нужны.
Именно этих, – героев.*

– Вот такие дела, Серёга. А ты, с глупыми вопросами, – зачем, за что?

– Запомни, ты только одна из карт в колоде мироздания. И ты попал на «раздачу», в этой игре.

В следующий раз расскажу, что за игра, – дед пояснения рассказывал. Не пугайся, не в следующий раз, когда ты опять попадёшь в больницу. А в другой раз, когда приду, к тебе на «свиданку».

Когда Саня, повернулся, чтоб выйти из палаты, он удивился, – в палате были ещё три медсестры. Они плакали. Когда он проходил мимо них, одна из сестёр подала ему яблоко.

Сказка пятая: «Незнакомка»

- *Этих странных и загадочных существ очень любят мужчины.*
 - *Настолько сильно, что жизни свои отдают за них.*
 - *Мироздание существует благодаря этим магическим существам.*
 - *Название им – «Женищина».*
 - *Это название не может передать всю глубину магической прелести этих существ.*
 - *Их надо оберегать, – их становится всё меньше и меньше.*
 - *Потому что их стремятся вытеснить, – «самки», по первичному признаку...*
- Мишогу...*

У него была «фирмочка». Небольшая «фирмочка», по оказанию услуг населению. Коллектив женский, – самостоятельный. Особых хлопот, по этому поводу, не было. Иногда, когда нужна была мужская сила, надо было помогать. Работали дружно и весело. Каждые два с половиной часа, чай, – за счёт конторы.

Иногда к женщинам, подружки забежали, посудачить, «о том, о сём». У женщин, большая нужда в общении, так заведено, что для женщин, посудачить, это большая необходимость. Он не против, работе, от этого никакого ущерба нет, зато «атмосфера», в конторе, была как бы «женского клуба».

Отгородил себе угол, поставил тиски слесарные, турник подвесил. Доску на стену повесил, учится ножи метать левой рукой. Иногда, там же чай пьёт, чтоб не мешать. Бывает к нему кто из друзей придёт. Там и покурить можно, и чаю попить, поговорить. У мужиков тоже есть свои «разговоры».

Подружки, женщин из его коллектива, частенько обращаются к нему, за помощью. Набойку на каблуке починить, или другую причину ищут «познакомиться поближе», стесняются. Он понимает их, – не женат, не пьёт, чем не кандидат для составления пары. Против природы не «попрёшь», вот и стараются, но безрезультатно.

Он – то знает что, таким как он, с исковерканной жизнью, контузиями и ранами, лучше жить одному. Пробовал, не получается. То женщина сбежит от него, или он выгонит претендентку в супруги. А может быть, вероятно, не встретил «свою – единственную».

Зато «свободен», охота, рыбалка, ну и другие мужские развлечения. Всё это – его, и не надо ни перед кем отчитываться. Варенье варит, себе и друзьям. Всякие летние или осенние заготовки делает, тоже делится.

Как то получилось, что друзья у него, тоже одни живут, по разным причинам. Некоторые, алименты оплачивают, не «жмотятся», понимают, что дети – это святое. Нормальные мужики, если надо, «бывшей», ремонт помогут сделать, или другую помощь оказать. Но жить вместе не хотят.

– Не могу я жить с дурдомом, – говорят.

Или вон – Дима. Три бабы против него, тёща, жена и родная мама, не дают воспитывать сына. Всё «облизывают», пацана, и «сюсюкают». Он объясняет им, что вырастет не мужик, а тряпка. Скандалы постоянно, по этому поводу. Хоть домой не приходи. Ушёл. «Рука «тяжёлая у меня, – говорит, – зашибить могу, они меня и посадят с радостью». Алименты платит исправно, не пьёт. А как радовался, когда сын родился. Меч сам отковал, – маленький. Хотел научить, мечом фехтовать.

Кроме друзей. Алкаши заползают, поклянчить рублей несколько, в долг. На покупку спиртовой настойки, в аптеке. Адская штука. Один алкаш, в прошлом хороший спортсмен, показывал волдыри на теле, – побочный эффект от употребления этих настоек. Он пугает

их всякими ужасами, преждевременной смерти. Но алкаши, сами, вычеркнули себя из этой жизни, и ничего не боятся. Долги возвращают, или ягод принесут из леса, много ягод. Женщины покупают у них. Они, этими деньгами долги отдают.

Неслышно, как змея, заползла Галина. И начала читать мантру: «Дай пять рублей, дай пять рублей, дай пять рублей». У него от этой мантры случается припадок глухоты. Он старательно, учится бросать нож, или занимается чем-то очень нужным и требующим пристального внимания. Тональность, мантры повышается, добавляются истерические нотки: «Дай пять рублей, дай пять рублей». И вдруг, он увидел её, демонстрирует испуг, перекошенное, от страха лицо. Издевается над «алкоголичкой» по полной программе. И когда в её голосе появляются нотки отчаянья, он достаёт деньги. Так же не слышно, как и появилась, она исчезает.

Через несколько дней, она появляется со сладостями, иногда печенье напечёт. Отдаёт долг, и они всем «колхозом», пьют чай с её угощениями.

Проходит несколько недель. Галка появляется опять, – как всегда неслышно и неожиданно.

– Дай пять рублей, дай пять рублей, – читает мантру.

Он включает «эхолалию», и начинает повторять Галкину мантру на разные лады. Получается неплохой речитатив. «Девчонки» в восторге, – Галка при смерти. Но получив пять рублей, исчезает быстро и неслышно.

– И почему ей всегда именно пять рублей надо? – Думал он.

Одно время её долго не было, «девчонки» гадают, может быть – «закодировалась», или замуж вышла и уехала? Ему тоже скучновато было, без её причуд, и что странно, ему очень хотелось как бы «познакомиться» с ней. И этого, своего, чувства он стеснялся – немножко.

Поздняя осень. Открылась входная дверь. В дверном проёме, в лучах солнечного света, стояла женщина. В широкополой шляпе, с небольшой вуалью. Красивый шарфик, галантно завязанный, плащ и юбка прикрывают колени, сапожки на невысоком каблучке. Всё в ней такое изящное, как в прошлом веке. Но выглядела она современно и подчёркнуто, женственно. Вероятно, таким женщинам посвящаются стихи. Цветы дарятся не по принуждению. Из – под шляпки, прикрывающей лицо, вдруг донеслось: «Василёк, дай пять рублей». Он впал в ступор. Припадок был, – настоящий. Женщина, подняла лицо, и он узнал Галину. Сердце стукнуло в груди.

– Ну, так дашь пять рублей?

Она взяла нож со стола и как-то снизу, бросила. Нож, уверенно и чётко, воткнулся в середину доски.

– Ого, – вдруг сказал он.

– Я ещё вот так могу.

И она плавно, как балерина, подняла ногу и упёрлась острым каблучком, ему в «солнечное сплетение».

– Ого, – опять повторил он.

– И так.

Подняла ногу выше и приставила каблучок снизу, к челюсти.

– Огого, – его как будто заклинило.

Она легко опустила ногу.

– Чай пить будем, зови «девчонок».

Он, как глухонемой, разглядывал небесное создание. Она жёстко ткнула его под рёбра пальцами. И ступор сменился возбуждением и суетливостью.

– Ты где была? Может замуж вышла удачно?

Он ещё что-то, сказать хотел. «Долги отдавать ездила, далеко – далеко». – Как-то резко сказала она.

– С такими «штуками», получать долги надо ездить.

– В этот раз, – раздавала.

Что – то в её голосе его напрягло, печаль какая-то и одновременно жёсткость.

Прибежали «девчонки», шляпу стали мерить, разговаривать на непонятном женском языке и все одновременно. Он попил чай, пирожные были очень вкусные, не местного производства, конфеты он не пробовал, налегал на пирожные. Потом ушёл. Не хотелось мешать, да и в душе как-то непонятно.

Решил пройтись по улице, «разветься» немного. Прохаживаясь по улице, зашёл в парикмахерскую, – посетителей не было. Подстригся, с мытьём головы! А потом и бороду сбрил! Чувствуя себя героем, вернулся в контору.

– Да ты как новый, золотой «пятак», сияешь, – обрадованно, удивились женщины.

«Это идея» – подумал он. Соорудил гальваническую ванночку, и покрыл золотом пятирублёвую монету. Для чего он это сделал, сам себе объяснить не мог. Но монетку носил с собой.

Потянулись дни. Он как будто ожидал, что-то. Но ничего особо не происходило. Дни казались серыми и пустыми, долго тянулись. Друзья, на рыбалку позвали, – отказался. Сославшись на дела.

Осень, – дождь барабанит по крыше.

Какая-то смута в душе, – ожиданье.

Скажи мирозданье, – всё хорошо!

Порадуй сознание.

Однажды, с «девчонками», пили чай. Спросил, про Галину, как бы равнодушно. Они переглянулись. «А ты что, не слышал о ней?», – как-то удивлённо они спросили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.